
**НАД ПРАВДОЮ СЛЕЗАМИ ОБОЛЬЮСЬ, или МАРГИНАЛИИ
НА ПОЛЯХ ПОСЛЕДНИХ КНИГ О СУДЬБАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ**

В текущем году разные люди подарили мне книги, которые повествуют о тяжком крестном пути отечественной исторической науки. Так у меня в руках оказалась серия воспоминаний очевидцев, а также исследования о судьбах историков. Преимущественно я обрел книги о медиевистике и медиевистах. И прочитал их тут же, что называется, на одном дыхании. Я сам закончил кафедру Средних веков и продолжаю, несмотря на извивы собственной академической и административной биографии, относить себя к этому, в определенной степени закрытому, но яркому, самобытному, и, наверное, где-то тщеславному цеху.

Начнем с воспоминаний. Мемуары А.Д. Роловой [1] [2], С.М. Стама [3] [4], А.Х. Горфункеля [5], Л.А. Деброва [6] содержат множество портретов современников — выдающихся советских историков С.Д. Сказкина, Е.А. Косминского, П.Ф. Преображенского, В.С. Сергеева, В.И. Рутенбурга, А.Д. Люблинской, Б.Ф. Поршнева, М.А. Алпатов, М.А. Гуковского, Б.Р. Виппера, В.М. Лавровского, А.И. Неусыхина, И.С. Галкина, Н.А. Сидоровой, М.И. Ябровой, В.А. Ермолаева, А.И. Озолина, Я.А. Левицкого, В.Ф. Семенова, В.В. Мавродина, С.Я. Лурье, С.Б. Окуня, О.Л. Вайнштейна, С.Н. Валка, Б.А. Романова, В.И. Райцеса, А.Н. Немилова, Г.Л. Курбатова, И.С. Кона, В.С. Люблинского, Л.М. Баткина, Д.С. Лихачева, А.Ф. Лосева, Е.В. Тарле, А.М. Панкратовой, В.В. Струве, М.И. Артамонова, Н.Н. Пунина, Д.П. Калистова, Б.Я. Рамма и др. В антропологических зарисовках проступают с большей или меньшей отчетливостью характерные признаки ушедшего времени, его поведенческие типы и нежелающие следовать стереотипу характеры. У А.Д. Роловой такого ценного материала совсем немного. Она скупа, или даже аскетична: довоенной Латвии и Риге, где прошло ее детство, где ее учили европейским языкам и где судьба при вступлении во взрослую жизнь подарила ей возможность проехать с родителями вокруг Балкан по Средиземноморью и Адриатике, отведено немного страниц. Трагизм конца 1930 - начала 1950-х гг. едва передан А.Д. Роловой [1; 16-29]. В воспоминаниях ничего не сказано о последствиях ввода советских войск в Латвию и о настроениях профессуры Ленинградского университета, в котором ей довелось с началом Отечественной войны обучаться. Даже о семилетнем пребывании в лагерях своего учителя М.А. Гуковского она говорит вскользь [2; 30-38].

А ведь заключение самым серьезным образом сказалось на известном специалисте истории итальянского Возрождения и знатоке многостороннего творчества Леонардо да Винчи Матвее Александровиче Гуковском. Степень ужаса и страха, которые проникли в мозг и клетки этого ученого, передает эпизод, услышанный от А.Н. Немилова, в бытность мою то ли еще студентом, то ли уже аспирантом кафедры Средних веков ЛГУ. А.Н. Немилов поведал о заседании кафедры, которое вел М.А. Гуковский после возвращения из мест не столь отдаленных. В ходе того

заседания в соседнем помещении зазвонил телефон — это с М.А. Гуковским хотел поговорить какой-то чиновник из Смольного. Из-за огромного зеленого стола, за которым председательствовал М.А. Гуковский, можно было выйти только после паузы, ибо требовалось поднять половину присутствующих. И тогда ученый с мировым именем, повинуясь страху и инстинкту, стремительно прошмыгнул между ног сотрудников под столом, дабы через полминуты на другом конце провода ничего не подозревающее и, вполне вероятно, доброжелательно настроенное должностное лицо услышало торопливое: «Гуковский у аппарата!».

Зато А.Д. Ролова прекрасно показывает абсолютное отсутствие отчуждения между профессурой и одаренными, подающими надежду студентами. Сама А.Д. Ролова бывала на квартире А.Д. Гуковского, пользовалась его библиотекой, дружила с А.Д. Люблинской и В.И. Рутенбургом [3; 33-34, 36-48].

Биография С.М. Стама — это отчасти рассказ о социальной мобильности. Советская власть своей политикой социальной селекции, или — быть может, точнее сказать, — социальной сегрегации, открыла перед одаренным от природы провинциальным парнем из очень бедной еврейской семьи двери МИФЛИ. На истфак С.М. Стам поступил без экзаменов. Пропуском в институт служили происхождение и биография претендента. Вместе с С.М. Стамом поступали «директор совхоза, член партии» и «участник Гражданской войны». У будущего основателя саратовской медиевистики на момент подачи документов было два года учительского стажа и членство в комсомоле, поэтому его приняли всего лишь «кандидатом». Впрочем, «кандидатский стаж» быстро завершился, поскольку несколько «пожилых» студентов вскоре отчислилось, «поняв, что научная история им не по зубам» [4; 50-56].

Аналогичную историю рассказывает коллега С.М. Стама по Саратовскому университету Л.А. Дебров, который в 1927 г. и 1928 гг. приезжал из Гомеля поступать в Ленинградский университет. Л.А. Дебров был «сыном железнодорожного служащего» и его не взяли в 1927 г. на географический факультет. Он пишет: «Здесь я принят не был при «социальном отборе», когда знания мало принимались во внимание и предпочтение отдавалось парттысячникам, участникам гражданской войны, партийным и комсомольским активистам, рабочим от станка». Л.А. Деброву пришлось устроиться на стройку «землекопом» и уже затем, в качестве рабочего, поступить в 1928 г. на историко-филологический факультет Ленинградского университета. Правда, Л.А. Деброву пришлось выдержать серьезные экзаменационные испытания, в число которых входили математика и физика [6; 100-107]. Жена С.М. Стама Е.М. Рязанова, поступающая в МИФЛИ в 1934 г., тоже среди прочего сдавала физику и математику [4; 112-116].

С.М. Стам начал учиться в МИФЛИ, когда школа М.Н. Покровского с ее вульгарным схематизмом еще не ушла в прошлое. Судя по его замечаниям, тогда никакого преподавания по странам еще не велось. На первом курсе студент С.М. Стам прослушал курсы «История феодализма на Западе», «История феодализма в России», курс по истории античности, курс политической экономии [4; 67].

Еще более мрачную картину рисует на примере Ленинградского университета Л.А. Дебров. Он пишет о «шиворот-навыворот» составленном учебном плане, в котором курс «Истории России XIX-XX вв.» читался раньше, чем история Древней Руси, а курс Новой истории — раньше, чем курс истории Средних веков. Львиную долю времени занимало преподавание «пропагандист-

ских», «общественно-политических дисциплин — истории партии, политэкономии, диамату и истмату, ленинизму, государственному устройству СССР и др.». Старой высококвалифицированной профессуре не давали, по сути, возможность образовывать студентов: «новое властно наступало..., хотя часто оказывалось неразумным и даже нелепым». «Нам казалось (и так нас ориентировала марксистская часть преподавателей), что огромный, накопленный старой наукой материал теперь необходимо по-новому переосмыслить, интерпретировать, что поэтому именно методология важнее всего» [6; 119-121].

С.М. Стам и Л.А. Дебров находят возможность показать, как мало стоила человеческая жизнь в те времена. В 1920 или 1921 г. мать С.М. Стама во время ночной облавы по ошибке чуть не поставили «к стенке». Его брата Якова не арестовали в 1937-1938 гг. только потому, что «стучавший» на всех библиотекарь его пожалел, но через два десятилетия не постеснялся об этом рассказать. По обвинению в троцкизме попадает в заключение товарищ С.М. Стама по МИФЛИ Алексей Цвиллинг, откуда выходит через несколько лет без передних зубов. У другого его друга, Виктора Батрака, арестовывают, как врагов народа, всех родных. В начале Отечественной войны лояльность В. Батрака режиму проверяют, расстреливая обойму маузера поверх головы [4; 20, 28-29, 84-89]. Л.А. Дебров повествует об арестах преподавателей на истфаке МГУ в 1936 г., где он был в аспирантуре [6; 168-170]. С.М. Стам и Л.А. Дебров живут в обществе, где господствует контроль и нет даже тени свободы и независимости. Но личная человеческая жертва часто не так уж и нужна стране. Люди нередко становились материалом при проведении кампаний. Так, С.М. Стама заставляют прервать учебу в МИФЛИ, поскольку стране понадобились знатоки разговорного и письменного японского. Когда же он, спустя полтора года, овладел этой премудростью, ему преспокойно разрешают вернуться в МИФЛИ и продолжать изучение средневековой европейской истории [4; 74-78].

С.М. Стам описывает скудное материальное существование студенчества и ярко дает приметы социальности в том обществе декларативного равенства. Студенты первого курса МИФЛИ были прикреплены к столовой «рабочих-сезонников», где их кормили почти исключительно щами из крапивы, кашей и картошкой. Но через год МИФЛИ слили с Коммунистическим университетом преподавателей общественных наук (КУПОН). МИФЛИ не только получил здания КУПОНа, но и унаследовал его коммунистическую столовую с рисовой кашей, мясом, рыбой и свободным выбором. Переход в японский сектор Института востоковедения сопровождался походом в ГУМ, где будущим японистам совершенно бесплатно выдали костюмы, рубашки и туфли [4; 65-66, 72, 75].

О нравах, бытующих в тогдашнем академическом истеблишменте, С.М. Стам пишет скупое. Упоминает только о противодействии при защите его кандидатской диссертации по Иоахиму Флорскому со стороны Н.А. Сидоровой, да о проработке (по выражению С.М. Стама, «молотьбе»), которую ему пришлось пережить на кафедре Средних веков ЛГУ и одноименном секторе Института истории в Москве, где обсуждали его теоретическую статью о средневековой урбанистике. «Я наивно не подозревал, — заключает мемуарист, — что и в науке могут гнездиться ревность, зависть, ненависть между людьми» [4; 191-193, 219-223].

В отличие от Л.А. Деброва, С.М. Стам нигде не ставит под сомнение постулаты марксизма: и учению Иоахима Флорского, и становлению городов

Лангедока историк искал и находил материалистическое и социальное объяснение [4; 182-187, 219-221].

Межличностная проблематика и повседневные аспекты поведения историков гораздо отчетливее показаны А.Х. Горфункелем. Ему довелось обучаться на историческом факультете ЛГУ и специализироваться по кафедре Средних веков в 1945-1950 гг. В своих мемуарах он вспоминает, как самообытно и достойно вели себя многие ученые в условиях проведения кампании по борьбе с космополитизмом, как учили студентов овладевать ремеслом, приобщали их к языкам, латинской палеографии, вспомогательным дисциплинам. Вот археолог М.И. Артамонов, которого в статье газеты «Правда» (органа ЦК КПСС) обвинили «в преклонении перед хазарской культурой»), говорит публично на Ученом Совете, что эта статья не Священное Писание; папиролог, академик В.В. Струве иронизирует во время какого-то идеологического собрания: мол, спасибо ученикам: «хочешь — не хочешь, а становишься марксистом-ленинистом»; отправленный в лагеря искусствовед Н.И. Пунин саркастично замечает: «Мы пережили блокаду, переживем и социалистический реализм» [5; 112-115].

Какой бы объем часов в учебных планах ни отводился различным диаматам, истматам, политэкономиям, традиция русской школы пусть в редуцированном, истощенном виде доходила до поколения послевоенных студентов кафедры Средних веков ЛГУ. Эта традиция, прежде всего, была представлена в курсах по палеографии, дипломатике, сфрагистике, источниковедению, которые вела ученица И.М. Гревса и О.А. Добиаш-Рожественской А.Д. Люблинская [5; 117-133]. Лучшие студенты кафедры — сам А.Х. Горфункель, В.И. Райцес, В.М. Алексеев, А.Н. Немилов — становились профессионалами, работая с латинскими рукописями в Публичной библиотеке [5; 135-138]. Затем им пришлось буквально преодолевать тернии только для того, чтобы просто самореализоваться. А.Х. Горфункель поступил на работу в Государственный архив Ленинградской области, где обнаружил неразобранный архив Кирилло-Белозерского монастыря. Итальяниста по университетской специализации увлекали русские рукописи XVI века. Он их описал, разобрал, прочитал и написал на их основе кандидатскую диссертацию. Только позднее, не прерывая исследований по русистике и участвуя в археографических экспедициях, А.Х. Горфункелю удалось вернуться к итальянским возрожденческим штудиям [5; 140, 148-170]. В.И. Райцес, несмотря на лишения, написал прекрасную диссертацию об Аженском восстании 1514 году. В 1960-е гг. ему посчастливилось получить из Франции около 1700 микрофильмированных копий документов из муниципального архива Ажена и прочитать их [5; 264] [7]. В.М. Алексеев стал историком средневековой Чехии и затем заведовал кафедрой в Петрозаводске, пока его в середине 1950-х гг. не уволили за неблагонадежность. Славист, которого А.Х. Горфункель считает самым сильным из своего звездного курса, был вынужден зарабатывать на жизнь, переводя инструкции с немецкого языка на машиностроительном заводе [5; 138-139, 158-161, 163-164]. А.Н. Немилов работал в Эрмитаже и затем преподавал на кафедре истории Средних веков ЛГУ, где автору этих строк довелось слушать его лекции в начале 1980-х гг. Несмотря на хрущевскую оттепель, репрессии время от времени обрушивались на головы однокурсников А.Х. Горфункеля: в 1959 г. был арестован Л.И. Тарасюк, окончивший кафедру археологии, знаток средневекового оружия, руководивший эрмитажным арсеналом [5; 171].

Теперь обратимся к исследованиям. В монографии сотрудницы Российской национальной библиотеки Л.Б. Вольфшун описаны судьбы шести выдающихся специалистов западноевропейской истории — В.В. Бахтина, С.А. Ушакова, А.Д. Люблинской, В.С. Люблинского, Н.С. Цемша, Л.С. Гордона [8]. Первые четверо были учениками О.А. Добиаш-Рожественской.

Семинарий О.А. Добиаш-Рожественский был подлинной лабораторией по производству медиевистов, специалистов по латинским рукописям, способных читать не только литературные тексты, но и «минуты», т.е. черновые наброски. О квалификации учеников Ольги Антоновны можно судить по тому, что как-то в шутку они стилизовали латинское письмо на пергаменте, и их учительница, прошедшая палеографическую подготовку в Парижской школе хартий, не сразу распознала подделку [8; 18-21]. Жизнь всех героев книги была трагична. Двоих учеников О.А. Добиаш-Рожественской перемолол молох сталинских репрессий. Сначала Советская власть воспользовалась их редкой и уникальной квалификацией, а потом она ей показалась либо излишней, либо подозрительной. Известно, что большевики потерпели поражение в войне с Польшей в 1921 году. По Рижскому договору Москва должна была возвратить Польше культурные ценности, которые были доставлены в Петербург после разделов Польши в XVIII веке. Это касалось рукописей и рукописных книг на латинском, французском, итальянском и других языках. Западноевропейские рукописи в Рукописном отделе тогда еще не были по-настоящему каталогизированы и описаны. Совместная российско-польская комиссия занималась выявлением ценностей. В ходе работы О.А. Добиаш-Рожественская, В.В. Бахтин, С.А. Ушаков и др. делали сверки и нередко доказывали, что отдельные рукописи, на которые претендует польская сторона, не были польскими по происхождению [8; 26-36, 70-73]. Особенно Ольга Антоновна ценила Всеволода Бахтина, надеясь, что он заменит ее со временем и в Рукописном отделе, и в университете. В.В. Бахтина арестовали в 1928 г. за его православные убеждения. Три года он провел в лагерях, затем был вынужден жить в провинции и работать не по специальности. В 1937 г. новый арест, десять лет лагерей, поселение и смерть [8; 37, 44-66]. Д.С. Ушаков был арестован в 1935 г. и в 1938 г. по приговору тройки НКВД расстрелян [76-78].

Похожая участь постигла Н.С. Цемша, который был учеником И.М. Гревса, но тесно сотрудничал с О.А. Добиаш-Рожественской. Последняя привлекала его к работе над изданием переводов средневековых агрикультурных памятников. Н.С. Цемша арестовали, как «социально опасного элемента», в 1935 г., отправили сначала в лагерь, потом на поселение в Оренбург, где он умер в 1936 г. В 1937 г., как «польская шпионка», была расстреляна его жена Валерия Станиславовна [8; 78-112].

Жизнь трех остальных героев книги сложилась более благополучно. А.Д. Люблинская продолжила дело О.А. Рожественской, стала признанным знатоком французской истории XVII в., написала учебник по латинской палеографии, описала и каталогизировала все латинские рукописи Публичной библиотеки, заведовала кафедрой Средних веков в ЛГУ. Но и на ее долю выпало немало лишений. Ее и ее мужа В.С. Люблинского арестовывали на две недели в 1927 году. Затем Владимир Сергеевич провел в заключении весь 1929 год. Позднее он стал знатоком творчества Вольтера, разобрал вместе О.Л. Гордоном библиотеку знаменитого просветителя [8; 113-201]. Но его, уникального специалиста по европейской книге,

способного по шрифту сразу определить средневекового издателя и страну [5; 205], дважды изгоняли с работы в Публичной библиотеке [8; 187, 197-198].

О.Л. Гордон был прекрасным знатоком французской и английской литературы, переводил Шекспира. Его тоже неоднократно арестовывали. Совокупно он провел в местах заключения более 10 лет [8; 202-234].

Историю судеб ленинградской медиевистики дополняет книга Г.Е. Лебедевой и В.Я. Якубского [9]. Они показывают, какие традиции были заложены такими разными учеными, как Л.П. Карсавин, И.М. Гревс, О.А. Добиаш-Рожественская, А.И. Хоментовская, и как представителей старой школы и их учеников пытались «перековать» марксисты. Среди них встречались вполне образованные и эрудированные люди. В книге несколько страниц отведено Н.Н. Розенталю, ученику И.М. Гревса, который быстро усвоил риторические фигуры школы М.Н. Покровского. Однако в 1934 г., Н.Н. Розенталь, назначенный первым заведующим кафедры Средних веков ЛГУ привлек к преподаванию именитых старорежимных ученых И.М. Гревса, О.А. Добиаш-Рожественскую, византиниста В.Н. Бенешевича [9; 9-18, 21-29].

Надо сказать, что демонстрируемая верность «единственно верному учению» не спасла Н.Н. Розенталь от изгнания из Ленинграда после убийства С.М. Кирова. Сменивший его в должности заведующего О.Л. Вайнштейн был хотя и марксистским ортодоксом, но высокопрофессиональным ученым. Он оставил на кафедре привлеченных Н.Н. Розенталем старых ученых, начал развивать византиноведение. Правда, в 1937 г. О.Л. Вайнштейн на кафедре громил изданные незадолго в Германии исследования академика В.Н. Бенешевича, после которого престарелый ученый был арестован и расстрелян [9; 29-31, 36-38, 43-44]. Единственным членом кафедры, робко защищавшим В.Н. Бенешевича, оказался И.М. Гревс, да этого уже несколько раз бывавший в заключении и под следствием. И.М. Гревс в это же время он открыто порицал невежество приходящих в здание на Менделеевской линии студентов и аспирантов. И.М. Гревс, находясь в разногласиях с социалистическими реалиями, продолжал интенсивно работать: готовил переиздание старых трудов, писал к ним новые разделы, перевел и издал в издательстве «Academia» мемуары герцога Сен-Симона, писал книгу о Таците [9; 14-15, 44-45].

Подлинный расцвет петербургской медиевистики приходится на первые послевоенные годы, когда помимо кафедры Средних веков на истфаке ЛГУ была создана кафедра византиноведения во главе с М.Ф. Левченко. Но он был недолг — начавшаяся в 1949 г. кампания против космополитизма ударила, прежде всего, именно по медиевистам. Кафедру византиноведения закрыли, с заведования кафедрой Средних веков изгнали О.Л. Вайнштейна, которого отправили в ссылку. Тогда же арестовали М.А. Гуковского. Уволили Н.Я. Рамма. Делали все возможное, дабы лишить истфак единственного палеографа А.Д. Люблинской, которую спасло только заступничество М.Ф. Левченко и В.И. Рутенбурга [9; 65-85].

Последняя работа, о которой хотелось бы здесь сказать, — это книга Б.С. Кагановича о Сергее Федоровиче Ольденбурге [10], известном востоковеде, академике, секретаре Академии наук. С.Ф. Ольденбург помогал престарелому президенту АН А.П. Карпинскому руководить Академией в постреволюционный период, до преобразования Академии в 1929 г. и ее перевода в Москву. С.Ф. Ольденбург пытался, адаптируя к советским реалиям, тем не менее, сохранить Академию, как независимую, автономную, самоуправляющуюся структуру. Марксисты же —

М.Н. Покровский, Г.М. Кржижановский, В.П. Волгин, А.В. Луначарский и ... ОГПУ (как без этого вездесущего ведомства!) сначала создавали внутри ортодоксальную фракцию, а потом превратили Академию в простое «научное учреждение», в коем «руководящий персонал менялся простым распоряжением советского правительства» [10; 193-195]. Книга повествует, насколько подозрительной, а зачастую и бесполезной казалась невежественным и малообразованным руководителям эрудиция и исследовательское подвижничество дореволюционных ученых.

Любопытны документы, найденные Б.С. Кагановичем, которые свидетельствуют о всепобеждающей идеологии пользы, которой в отношении науки придерживалась и новая власть, и некоторые академики-естественники. В книге приведена инвектива выдающегося математика, вице-президента Академии академика В.А. Стеклова против 2-го Отделения русского языка и словесности (Пушкинский Дом). 2-е Отделение вело славянские и византийские исследования, а также издавало и переводило памятники. По мнению академика, 2-е Отделение занимается «белебердистикой», переиздает «благоглупости, которыми когда-то напичкивали фолианты разные греческие невежды да наши попы. Вряд ли теперь время собирать старые башмаки ..., поломанные ручки, лоскутные бумаги и т.д., которыми писали хотя бы и великие поэты и художники, вроде самого Пушкина и Гоголя!» [10; 122].

В прочитанных работах воспроизведены разные судьбы. Меня больше всего интересовали самобытные натуры (а в работах есть и другие), все время гнущие свою линию. Свою линию? Горькие слова! В действительности этой линией просто оказывалось желание следовать своему профессиональному выбору, стремление постоянно наращивать, говоря языком современных образовательных ГОСТов, личные компетенции. Их представления о нормальном не совпадали с навязываемыми и декларируемыми установками. Компетенция была своеобразной эмиграцией, только эмиграцией не из страны. Это было движение в сторону нормальности, право не демонстрировать ех *officio* согласие с нелепостями, абсурдом и преступлениями. Они отказывались от спускаемого сверху коллективизма, этакой смягченной формы казарменной сопричастности. Жаль, что таланту многих из них не дали раскрыться.

Медиевистика, по личному убеждению, это не просто знание, это всегда общенность и транслирование высоких европейских культурных стандартов и традиций, в том числе стандартов и традиций свободы, независимости и автономности. К сожалению, эти традиции по-прежнему слабо выражены даже в столицах. В регионах же они едва представлены. Уже слиты за строптивость с другими факультетами истфаки Саратовского и Петербургского университетов. Правда, с виду «встроенный в вертикаль», но отнюдь не вертикальный Я.И. Кузьминов открыл у себя в Вышке истфак и привлек в него в первую очередь медиевистов. Однако есть, видимо, основания у самого известного сегодня российского медиевиста и по должности (заведующий отделом Средних веков ИВИ РАН), и по статусу (член-корреспондент РАН) П.Ю. Уварова говорить, что мы ее (медиевистику) постепенно теряем [11]. Самые способные молодые медиевисты, авторы признанных и уникальных работ, уходят кто в публицисты, кто в эссеисты, кто в издатели гламурных журналов. На сайте e-library престижнейшему в нашей среде журналу «Средние века», где публикации проходят жесточайший отбор, выставлен по какой-то запредельной логике нулевой импакт-

фактор [12]. Всепобеждающая идеология пользы, иногда почему-то называемая модернизацией, привела к тому, что региональные вузы уже более чем наполовину сократили приемы на гуманитарные специальности. Что остается медиевистике? Действительно, почти ничего!

С.В. Кондратьев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ролова А.Д. Италия в душе, в уме и наяву // Судьбы, учителя, Италия: Мемуары историков. М., 2009.
2. Ролова А.Д. Мои профессора // Судьбы, учителя, Италия: Мемуары историков. М., 2009.
3. Стам С.М. Моя жизнь, учителя, мои друзья, наука («Итальянские фрагменты») // Судьбы, учителя, Италия: Мемуары историков. М., 2009.
4. Стам С.М. Моя жизнь, учителя, мои друзья, наука. Саратов, 2009
5. Горфункель А.Х. Моя школа, мои университеты // Судьбы, учителя, Италия: Мемуары историков. М., 2009.
6. Дебров Л.А. Страницы воспоминаний. Саратов, 2009.
7. Горфункель А.Х. Палеографический подвиг (Исследовательский стиль Владимира Райцеса) // Средние века. 2006. Вып. 67. С. 200-215.
8. Вольфцун Л.Б. От Корбийского скриптория до века Просвещения. Из истории изучения западноевропейской культуры в России. СПб, 2008.
9. Лебедева Г.Е., Якубский В.А. Cathedra medii aevi: Материалы к истории ленинградской медиевистики 1930-1950-х годов. СПб, 2007.
10. Каганович Б.С. Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб, 2006.
11. Уваров В. «Мы теряем его» (сообщество медиевистов 1985-2009) // <http://rutube.ru/track/2671426.html?v=71ee1a3667dccc6bb96828763e02e5a5>; http://mes.igh.ru/magazine/announce/mi__teryaem__ego.html
12. http://elibrary.ru/title__about.asp?id=9616